

ВЛАДИМИР ПОПОВ

СТАЛИН, РОКФЕЛЛЕР И “ПЕРЕБЕЖЦЫ”,

или Почему “Стандард ойл” пережила “СССР, инкорпорейтед”

“...С какой стати осуждать большевизм, если даже настоятель Кентерберийского собора этого не делает?” – вопрошал Йозеф Шумпетер, выдающийся экономист и автор фундаментального исследования “Капитализм, социализм и демократия”. Его ученик, нобелевский лауреат Пол Самуэлсон, сказал однажды, что это “великая книга”, но она лучше читается в наши дни, спустя сорок лет после её опубликования (1942–1952 гг. – Авт.). И в самом деле, как едко подметил автор предисловия к русскому изданию монографии, “несвоевременные мысли” Шумпетера впору хоть заново помещать в спецхран.

Капитализм-2009: явная “тенденция к саморазрушению”?

Йозеф Шумпетер без тени предвзятости, глубоко размышлял об исторических судьбах капитализма и социализма. Он считал реальный социализм в СССР “преждевременной” и, стало быть, сильно искажённой исторической формой нового, восходящего общественного строя. Вместе с тем советская модель оказалась жизнеспособной и, по убеждению Шумпетера, в будущем имела реальную возможность “выправиться”. А пока, дескать, сталинский авторитаризм вполне успешно решает экономические задачи специфическими “диктаторскими методами”. Сам же учёный был последовательно отвергнут лейбористской социал-демократической альтернативой капитализма.

Для сегодняшней злобы дня особую ценность имеет его пронизательный взгляд современника на сталинский режим и личность Иосифа Сталина. “Самое ужасное в сталинском режиме не то, что он сделал с миллионами жертв, а то, что он *должен был* это сделать, если *хотел выжить сам*”. Оставим на совести Шумпетера “миллионы” жертв, едва ли он имел возможность знать истинное положение. А вот “выжить” – прямее не скажешь. Однако полагаю, Шумпетер подразумевал не столько сам сталинский режим, сколь выживание страны – России – СССР, обречённой на неминуемое столкновение с объединёнными враждебными силами всего Запада. Имеющие хождение до наших дней “обличения” Львом Троцким “реакционного” термидорианского переворота в РКП(б), произошедшего якобы ещё в конце 20-х годов, исследователь отмел как дема-

---

ПОПОВ Владимир Данилович — политолог и публицист. Кандидат философских наук. Автор книг политических памфлетов “Углеводородный Третий Рим?”, “Последние из великороссов? Мысли о немислимом”, “Косово поле великороссов”, “Ставрогини закрывают Америку?” и др.

гогические. А мировая революция для реального политика Сталина являлась попросту “замороженным активом”. Дескать, были для него вещи и поважнее, и посуровее. . .

А ведь всё не унимается в наших подленьких либеральных СМИ непрерывная обличительная истерика по поводу “постыдного” пакта Риббентропа–Молотова. Шумпетер же на этот счёт: “Сталин следовал обычной практике политиков того времени”. Большинство западных правительств поступали точно так же. Изобразить праведное негодование было бы “чистым лицемерием”.

И впрямь, совсем недавно российская Служба внешней разведки рассекретила неизвестные до самого последнего времени разведывательные материалы из архивов Кремля, раскрывающие, по западным первоисточникам, полную подноготную мюнхенского сговора. И это воистину пример вероломства, обмана и двуличия. Циничные, хоть и опрометчивые антисоветские сделки Лондона и Парижа с Гитлером во второй половине 30-х годов отныне уличены неопровержимыми документами самих западных правительств. До последнего времени эти улики держали там за семью замками. Вот как, эпатажно для ушей нашей демшизы, судит истинный демократ Шумпетер о “макиавеллевской” контригре Сталина-стратега в той пиковой для СССР ситуации. Ведь запал Второй мировой уже был взорван в Судетах. “Рассматривая события, начиная с первого мастерского хода – “взаимопонимание” с Германией, – мы узнаём почерк мастера. . . Те, кому не понять, как переплетаются удача и гениальность, конечно, укажут на счастливый случай в длинной цепи событий, вершиной которых стал колоссальный успех”. Шумпетер преувеличивал: сталинский режим пережил в те годы ряд отчаянных ситуаций, когда он действительно имел все шансы погибнуть. Стоит поразмышлять и над таким суждением Шумпетера: “Политический гений проявляет себя в способности в полной мере использовать все имеющиеся благоприятные возможности и нейтрализовать неблагоприятные события настолько, что в итоге поверхностные наблюдатели замечают только первые”.

Учёный не принадлежал к числу тех, кто убеждён, что Историю вершат лишь немногие выдающиеся личности. Однако он выделяет два судьбоносных фактора, предreshающих исход столкновения мировых сил в историческом процессе: “Качество и особенности населения и качество политических деятелей”. Когда они высоки и слитны, нацию не одолеть. Впечатляет необычайная авторская метафора: “. . . Мозг и нервы человека, стоящего у руля, являются такими же объективными факторами, как содержание железа в руде, имеющейся в стране, и наличие или отсутствие в ней молибдена и ванадия. . .” А способности, которыми обладал советский лидер, в любом народе встречаются “крайне редко”.

Но и это не главное. В его размышлениях есть ещё кое-что, сокровенное. И что же? “В некоторых отношениях, – рассуждает исследователь как бы от противной стороны англосаксонских участников Большой тройки, – лучше иметь перед собой врага со сверхъестественными, чем со средними способностями. И это не парадокс!” Предоставив нам самим догадываться о смысле недосказанного, Шумпетер выдвигает, на первый взгляд, непостижимое и, по моему мнению, спорное суждение о миссии Иосифа Сталина и будущности созданной им под знаком Серпа и Молота империи. И, чтобы сделать более наглядной свою гипотезу, ненароком сопоставляет Сталина с. . . Рокфеллером как двух основоположников, зиждителей самых могущественных Систем века двадцатого, государственной и корпоративной: “. . . Хотя, чтоб создать, к примеру, концерн “Стандард ойл”, требуется высокого ранга гений, то для управления концерном, когда он создан, гениальность не нужна. *Российский же век, однажды начавшись, может продолжаться без всякого руководства*”. Сказанное наверняка огорошит и почитателей, и хулителей “культа”. Право, тут есть над чем призадуматься. . . Хотя бы над тем, почему всё-таки “Стандард ойл” пережила “СССР, инкорпорейтед”?

Шумпетер не зарекался: “Любой прогноз – это внаучное пророчество”. У Истории же свой промысел, а в нём своя очерёдность, чёт-нечет перемен. И наблюдаемые современниками новые тенденции в развитии государств, даже если они полностью проявят себя в будущем, могут быть совместимы не с одним, а несколькими исходами.

В лекции-завещании, прочитанной в декабре 1949 года в Нью-Йорке перед Американской экономической ассоциацией, Шумпетер высказал глубокое убеждение, что “капиталистический порядок имеет тенденцию к саморазруше-

нию, а централистский социализм является его вероятным наследником”. Повторю: то был 1949 год. Увы, полвека спустя, в августе 91-го года, преданный номенклатурной элитой и, не будем лукавить, с молчаливого согласия большинства, уставшего от “дефицита” и ощущения безвременья 80-х годов, а также лицемерных словословий о бесконечной мудрости ленинского ЦК, потерпел крушение величайший в истории человечества цивилизационный опыт – советский социализм.

Не успел Запад всласть попировать на его тризне, как на наших глазах глобальные рынки и процветавшие экономики стран “золотого миллиарда” пошли вразнос. И, оказалось, что воспетый либеральными идеологами посткапитализм так и не излечился от “врождённой тенденции к саморазрушению”. Но всё-таки: в самом ли деле казавшийся несокрушимым СССР и то, что, без восторга, Шумпетер признавал “российским веком”, – и впрямь могли жить, длиться “долгая лета”? И – “без всякого руководства”?

“Скипетр” – кукурузный початок

Для многих из моего поколения, переживших геополитическую катастрофу СССР, её предопределённость мнима. А вот предпосылки вызревали исподволь, в недрах советского общества. После 53-го года, в десятилетия “постсталинизма”, если взять точкой отсчёта ещё и Карибский кризис, качество, *достолепность* – словами поэта Леонида Мартынова из стихотворения “Великодержавность”, советской правящей корпорации и экономическая, военная и инновационная мощь СССР чем дальше, тем всё очевиднее находились в контрапункте. Другими словами, первое нисходило, второе возвышалось. “Ванадиевое”, по метафоре Шумпетера, качество государственных умов не наследуется. Калашный ряд номенклатуры мельчал, всё более обретал черты кастовости, косности, бездуховности. А новая, нарождавшаяся цивилизационная общность – советский народ, напротив, переживал интеллектуальный, духовный и моральный подъём. Воспитанный на сталинской парадигме человек дерзал, воспарял к космическим высотам. Сыновья и внуки “лапотников” выбились в академики и министры, управляли такими сложнейшими научно-производственными системами, как легендарный Средмаш. Массовый человек перевоплотился, как ни осаживала его ревностно бюрократия, в самостоятельную и творческую личность. А высшая партократия и мелкая номенклатурная братия, избавившись от ига жесточайшей воли Хозяина, когда каждый день как на войне, “спешилась” и с радостью искусилась “скоромными” земными благами и удовольствиями. Номенклатура, оставшаяся в “сиротах” без вождя, его интеллекта и несгибаемой воли, всё больше скатывалась к медиакратии – власти посредственности. “Послекультурный” глава СССР так и запечатлелся в памяти народной в украинской рубахе-вышиванке с кукурузным початком в деснице...

Сталинская система имела в лице нового образованного поколения, образно говоря, встроенную “защиту от дурака”. Этот золотник выручал, восстанавливал её действенность даже после сокрушительных для экономики и общества хрущёвских сумасбродств. Завод сталинской пружины государственной воли и планомерного экономического роста долго ещё сохранялся тугим. Созидательная поступательная сила маховика планового хозяйства оказалась устойчивой. Ресурсы развития не по щучьему велению, конечно, почтикратно возросли с каждой пятилеткой. СССР к семидесятым годам прошлого века стал реально второй экономической державой мира. А тот самый пресловутый “застой”, когда общество испытывало своего рода духовное стеснение, мучительное чаяние запаздывающей на десятилетия модернизации строя, какие бы небылицы ни плели разные познеры и сванидзе о нищей юдоли советской сверхдержавы, как раз совпал с пиком многовековой истории великороссов. Сверхдержавы – по всем статьям! А потом грянул “перестроечный” 1985 год, завод сталинской пружины – ничто не вечно – окончательно иссяк, и номенклатура, не таясь, откровенно запросилась “на травку”. Да, неизведанные, но страстно алкаемые прелести “рынка”, накопительства и нестерпимый соблазн капитализации коррупционной “кубышки в огороде” сделали своё чёрное дело.

Явные признаки перерождения номенклатурной знати подмечались всеми, кто не хотел быть незрячим, уже к исходу 70-х годов. Но ещё раньше “крамола” – мелкобуржуазное умонастроение, под видом “духовной” оппозиции соци-

ализму, распространилась в слоях образованщины. По определению публициста начала прошлого века М. О. Меньшикова, это доктринерская, оторванная “душой” от народа часть интеллигенции. “С неё-то начинается “самопредательство наше, историческая самоизмена. . .” Меньшиков насквозь видел натуру до-революционных западников: вас, господа хорошие, словно нелёгкая тянет на сторону врагов России. . . Родовой признак российских либералов во все времена: “Они непременно отрицают Россию, безотчётно желают умаления её и потери царственной индивидуальности”. И при этом, не моргнув глазом, свято веруют в свою избранническую миссию помыкать тёмным народом. И неважно, одеты они в народническую косоворотку или в комиссарскую кожанку. . .

Не Ильич, так Ронни!

В потёмках души образованщины тотчас угадываешь потаённое горбачёвщины. Однако до поры до времени открытого, в исподнем, либерала как политической особи в партноменклатуре днём с огнём было не сыскать. Наиболее ретивые и многомудрые из них после смерти И. Сталина фарисейски хлопотали о возвращении к “подлинному” учению Ильича, а под конец своих радений дружно прибрались к Ронни Рейгану.

И впрямь, номенклатура на пути к сдаче страны в “странном” августе 1991 года претерпела долгую и причудливую метаморфозу. Под благовидным лозунгом “десталинизации” происходило, неявно, “разгосударствление” уже самого обособившегося от народа правящего сословия. Той значительной его части, которая по своим убеждениям и, так сказать, душевно никогда и не была коммунистической. Более того, эти расстриги только и мечтали, как бы поскорее сбросить “рясу” и пуститься во все тяжкие. Выгоды, привилегии, пайки, мещанское благополучие уже не грели душу. Хотелось чего-то остренького, греховного. Тем более и хрущёвская скоропалительная программа построения коммунизма в СССР к 1980 году явно косила в сторону идеологии “потребительского общества”. И, странным образом, перекликалась с Великим обществом Линдона Джонсона. Эта утопия была насквозь пронизана обывательским представлением о коммунизме как земном рае, где харчей, мануфактуры и всякого другого добра всем вдоволь. . .

С опалой последнего из могикан сталинской школы политических руководителей Алексея Косыгина на Старой площади воцарилась та “стабильность”, что пуще беды. Между тем производительные силы страны лишь сбавили темп роста и только. По объёму ВВП они мощно прирастали. Свидетельство тому — ядерный паритет с США. Вторая половина брежневского правления была настоящим “бабьим летом” зрелого социализма. А слабеющая телесно, духом и умом высшая номенклатура, напротив, пребывала, что называется, на сносях. . . Не потому ли слишком уж легко далась Горбачёву политическая афёра “нового мышления”? Дух отступничества и предательства витал в коридорах власти всех уровней ещё задолго до того, как последний генсек окончательно сдал партию и страну.

Хотя будем откровенны, партия позволила сдать себя сама, и это жестокая правда, в которой до сих пор миллионы бывших членов КПСС не хотят себе признаться! Не может партия даже с великим прошлым по своим идейным и особенно нравственно-этическим качествам быть значительно выше общества, частью которого она является. Сужу об этом по своим личным, тягостным ощущениям тех лет. Заведовал тогда сектором в Госкомиссии по экономической реформе при Совмине СССР. Горбачёв в самый последний момент вероломно отступился от выработанного нами под началом Н. И. Рыжкова, с участием лучших умов Академии наук, реалистического сценария перехода к регулируемой рыночной экономике. И подхватил, молчком, завиральную и авантюристическую программу “500 дней” — прообраз ельцинской “шокотерапии” — сущего пролома народного хозяйства огромной страны. Между тем перебежчики на Старой площади уже наострили лыжи. И вот что изумляло, казалось наваждением: с одной стороны покорность, с какой несогласные в высшем партийном руководстве в угаре “демократизации” беспрекословно подчинялись уже не “фарононой” власти Генерального секретаря-ренегата, а с другой — проворство, с каким вскоре низовая номенклатурная чернь, побратавшись с уголовниками и авантюристами всех мастей, растащила материальные активы государства.

Увы, Йозеф Шумпетер переоценил запас прочности сталинской системы. “СССР, инкорпорейтед” не оказался под стать “Стандард ойл”, Ванькой-встанькой, неуязвимой корпорацией. Ничтожество, волей случая, оказалось во главе. С провозглашением смутной, мозги набекрень, “перестройки” страна и в самом деле очутилась “без всякого руководства...” Хотя, как сказать... Горбачёвцы со Старой площади и демократы “улицы” под лавочку “демократизации” уж больно ловко спроворили ложное банкротство социалистического СССР. Возвращаясь к рискованной аналогии Шумпетера, разве в “Стандард ойл” (компания давно перестала быть семейным бизнесом Рокфеллеров, превратившись в публичную транснациональную корпорацию “Экссон”) подобный жульнический вероломный трюк с собственностью акционеров прошёл бы? Зачинщики ликвидации корпорации, как пить дать, тотчас облачились бы в полосатые робы. А в нашей перестроечной “кипучей буче” ликвидация народного предприятия “СССР, инкорпорейтед”, разграбление несметных активов советской экономики прошли как по маслу. Под одобрительное улюлюканье уличной черни. Вывод напрашивается сам собой: если и есть несомненное преимущество частной собственности перед общественной, чего уж лукавить, так это в том, что к ней — не подступись! А “российский век”, просиявший над миром, обернулся при власти “демократов” скорбным Русским Крестом.

А ведь до сих пор даже официозные идеологи режима, как заговорённые, пользуют расхожую лживую идеологию рейгановского Фонда наследия. Будто бы крах “реального социализма” на роду ему был написан. Коли так, господа, отчего же до самой горбачёвской перестройки, этой подозрительной симуляции помешательства высшей номенклатуры, американская стратегия “отбрасывания коммунизма” долгие десятилетия неизменно выказывала свою тщетность? На мой взгляд, Йозеф Шумпетер вовсе не обманывался в своём предвосхищении будущего: “...Если Сталин (после Потсдама. — Авт.) не сделает первой ошибки в своей жизни, то в ближайшие годы не будет войны, и России никто не помешает разрабатывать её ресурсы, перестраивать экономику и дальше создавать ту громадную, абсолютно и относительно, военную машину, какую только видел мир”. Это пишет не апологет, а идейный противник сталинизма, по его определению, — “милитаристского авторитаризма”. Сталин не оставил надежд Западу. Он не совершил той “первой своей ошибки”, чего не скажешь о последующих руководителях КПСС.

Камень за пазухой не пригодился

Когда создавались основы послевоенного мира, исходные позиции СССР не были так сильны, как принято думать. Казалось бы, судил Шумпетер, “по всем правилам политической игры Советский Союз должен был согласиться на всё, что пожелали бы навязать ему союзники, и занять отведённое ему место в новом мировом порядке”. Однако сталинский креатив в интеллектуальном и волевым поединке с Рузвельтом и Черчиллем обернул дело так, что “влияние России поднялось до такого уровня, которого она никогда не знала в царские времена”. Учёный не вкладывал никакого обличительного смысла в своё утверждение, что послевоенное соглашение об устройстве миропорядка оказалось таким, как если бы “Россия одержала военную победу над двумя её главными союзниками”, а не только над Германией. Тут-то наши замоскворецкие американолубы-либералы должны заулюлюкать непременно. Этот социалист-еретик из академической “плющовой лиги” Америки просто “святотатствовал”! Впрочем, Шумпетер и сам сомневался, что даже и добросовестным историкам по силам раскрыть секрет невероятного: как Сталину во главе лежавшей в руинах страны удалось триумфально распорядиться плодами Победы.

“СССР возвысился, а сталинские “специфические методы” — его высшее достижение! — позволили России распространить фактическую власть за пределы своих официальных завоеваний”, — продолжает свой дискурс о сталинизме Шумпетер. Ничуть не щадя самолюбие Запада, оставшегося несолоно хлебавши. Не взыщем за спорную фразеологию (“завоевание”), но признание красноречиво. Разве не под надёжным покровом Ялтинского мира Объединённые Нации обрели редкие пятьдесят лет мира, без очерёдной мировой войны? Об этом, самом драгоценном, свидетельствуют историки, замолвил Сталин в узком общении с Рузвельтом и Черчиллем в Потсдаме, не питая иллюзий на-

счёт мира вечного. Скрепя Ялтинского мира оставались, пожалуй, ещё прочны к середине восьмидесятых годов. До тех самых роковых лет, когда политические филистеры в Москве и ловкие политики в Вашингтоне не сподобились, сговорившись, обрушить послевоенный миропорядок. И теперь, похоже, мало кто в мире не вздыхает по старым добрым временам “холодной войны”, которые канули безвозвратно.

... А суровый немногословный человек в шинели, в отрочестве поэт-романтик, в молодости Коба, горский Мцыри, а в зрелые годы преобразователь коммунистического учения и самый выдающийся государственный деятель XX века, выполнил своё жизненное предназначение. В него он уверовал, возможно, ещё молодым революционером. Сталин в невероятно сложных исторических условиях, тяжкой и немилосердной ценой, но воссоздал на новых началах справедливости Российскую империю – надёжный общий кров её народов. И навязал геополитическому противнику благой для всего мирового сообщества Ялтинский мир. Мы, следующее поколение, его не уберегли. Сражение за Цхинвал, по персту судьбы, на родине Кобы, – знак последних сроков Ялты, грозное предвещие грядущего нового силового передела мира.

Сталинизм и идеология каинства не сойдутся никогда

... Российское общество, масс-медиа, политики всех мастей ныне воистину одержимы сталинской темой. Либералы и государственники схватились не на шутку, а простые люди наитием догадываются, что здесь, не иначе, и кроется заветный ключ к вызову нашей полной, а не урезанной самостоятельности как великой державы. Разве не жаждали мы все возвращения в историческое время из потёмков, безвременья ельцинизма, когда номенклатурные расстриги и хриstopродавцы засели в Кремле и влекли нашу страну к гибели? И вот морок чуть-чуть отступил, мы удержались у самого края бездны. Но идеологическая межа в самом российском обществе, иллюзии в сторону, осталась там, где и была.

Идеология “золотого тельца” и сталинизм как великорусское державничество ни за что, ни на вершок не сойдутся. Как ни заигрывай олигархическая власть с глубоко укоренившейся в коллективном бессознательном памятью об утраченном советском времени, его титанах, мучениках и героях. На свою, что называется, голову прорезимные масс-медиа затеяли всенародную акцию-опрос “Имя России”. Кто же они, подвижники, что олицетворяют Россию? В первом же круге всенародного опроса на первое место вышел, к священному ужасу организаторов, Иосиф Сталин.

“Народ чтит своего палача!” – тотчас по первым итогам голосования забился в падучей прозападный, до последней буквы, “Огонек”. У ненавистников Сталина остаётся на всё про всё одна “непобиваемая” карта: “репрессии”! Сталин – одержимый кровавый тиран. Такой же, как Иван Грозный с его опричниной и “мучительствами” над неповинными боярами и смердами. А сталинизм, уж что там толковать, просто чёрная дыра в истории России. Классовая же борьба – злосчастная выдумка и чуть ли не паранойя большевиков. Образованцам, взобравшимся на облочок “четвёртой власти”, уже мало всласть поквитаться с “тираном” и “преступником” Сталиным. “Западники” всю отечественную, от Рюрика, историю перешерстили вверх тормашками, перевирая её смыслы. “Агнцев” и “козлищ” местами поменяли. И что с того? Неужто предтечи “западников” в стародавние времена были безгрешны, как ангелы? Может, не было в помине, в разные века нашей истории, никакой “боярской партии”, целовавшей крест польскому королю и присягавшей обоим Лжедмитриям? На Руси им было прозвище – *перебежцы*. Таковым был и князь Курбский, перебежавший из Москвы к литовским недругам под крыло. Историк Николай Костомаров, без пристрастия толкуя эпистолярный поединок Ивана Грозного с Курбским, свидетельствует, что в нравах русской знати в XVI столетии в порядке вещей было, если перебежец, “служба новому господину, пойдёт войной на прежнего, то есть на своё прежнее Отечество...”. Костомаров Курбского не выгораживает, но только призывает судить об исторических персонажах, делах и грехах их по обстоятельствам и обычаям их времени, а не по современному. Мера вещей не одна и та же, отнюдь. Но разве не к такой подмене прибегают новоявленные “перебежцы”-западники, заядлые ниспровергатели Сталина и “тоталитарного” СССР?

Ревизия отечественной истории сподобилась приделывать золочёный нимб просвещенного реформатора даже отщепенцу Гришке Отрепьеву. А, к слову сказать, “демон революции” Лев Давидович Бронштейн-Троцкий никогда не являлся с германским рейхсвером и спецслужбами США и Англии? Это всё, уверяют, досужие выдумки сталинской историографии и напраслины Краткого курса. А весь несказанный “ужас” якобы в том, что узурпатор Джугашвили-Сталин безжалостно принёс в жертву “термидору” “кристальную” ленинскую гвардию, образованное сословие старого режима и трудолюбивое русское крестьянство. И всё единственно ради обретения неограниченной тиранической власти.

Низкая клевета в сафьяновом переплёте

Воистину, перефразируя слова Коммунистического манифеста, “все реакционные силы Старого и Нового Света объединились для священной травли” Сталина и всего наследия сталинизма. Возвращение образа вождя — не тяга к “бонапартизму” и никакой не посыл к “реставрации”, а вызревшая в народной гуще страстная потребность в возрождении поверженного ельцинистами великодержавия. Обществу непременно нужен оплот веры и духа перед непредсказуемым, не сулящим ничего доброго завтрашним днём. А ещё возвращение Сталина — знак того, что, хоть тресни, но нет веры власть имущим, которые даже в самый разгар лихолетья упоённо заняты своими “гешефтами” под державную барабанную дробь.

Сталинский миф — межа отчуждения власти и народа. Отсюда и “страх иудейский”, ненависть новорусской буржуазии к Иосифу Сталину и его духовному наследию. Солженицын всё заклинал нас “жить не по лжи”, а мы-то, его молитвами, и очутились в тенетах самой отъявленной кривды. Но вопреки всем “разоблачениям”, в глубинах памяти народа живёт правдивое, выстраданное предание о вожде. И нет более верного судьи, чем основанная на наитии и памяти о пережитом историческая память.

В каком-то смысле миф о Сталине противостоит архетипическому образу “доброго” царя. Суровый, немилосердный, но спасительный — таким запечатлелся он в коллективном бессознательном. И чем неподатливей, недоверчивей общественное мнение к антисталинскому накату масс-медиа, тем пуще бьются в падучей ненавистники “Совдепии”. А это не что иное, как чисто классовая ненависть. Одержимость антисталинистов выдаёт тщету всего их “дискурса”.

Но ничего не попишешь, первородная вина за все наветы и измышления о сталинской эпохе — на совести руководства КПСС, которое наследовало дело Сталина в 1953 году. Как ни печально, даже для ближайшего окружения вождя, имевшего неоценимую возможность десятилетия находиться рядом с ним и постигать его науку управлять и властвовать над стихиями беспощадного XX века, Сталин так и остался не понятым. Сталинская высокая государственническая парадигма была столь успешно сброшена, как будто прежде они, как бурлаки, на жилах тянули бечеву. Хрущёвские приспешники быстро управились и с фрондирующей “антипартийной группой”, но и те, и другие на разные лады были отступниками. Что уж тогда судить-рядить о последующих поколениях партноменклатуры. Они и ведать не ведали, чем троцкизм отличается от сталинизма. А вот чем — на пробу!

В первые годы после Октября троцкистами из идеологических прописей было вымарано всё, что имело касательство к великорусскому началу. Даже слово “русский” звучало как “контрреволюционер”. Местечковый дух ненавистников России вновь взыграл после реакционного переворота августа 1991 года. Теперь у них на древке не красный, как у троцкистов, а белый флаг развевался! Потомки “комиссаров в пыльных шлемах”, подложившие динамит под храм Христа Спасителя, теперь “воцерковились” и не впервой порываются снести коммунистический пантеон у стен Кремля, покушаются на Мавзолей. Не сразу и в толк возьмёшь: разве кощунственные поползновения прибавляют политического и морального капитала тем, кто за стеной Кремля угнездился? По здравому разумению — ни на грош! Тогда — на кой? Чтобы уверить самих себя, что воцарились надолго?

Поток разоблачительной макулатуры, псевдоисторических изысканий о Сталине и его эпохе, желтизна сенсаций и психический террор из телящика — всё поставлено на то, чтобы воспитать у молодого поколения историческое беспас-

мятство. И будем откровенны – пропаганда немало в том преуспела. Нам, великороссам, оказавшимся под гнётом масс-медиа, негоже уповать, что время мудрый судия, рассудит, за кем правда, отделит зерна от плевел. Ведь на наших глазах происходит грандиозная и, возможно, необратимая подмена исторической памяти общества. Академическая историография склонилась и попряталась в кусты, а захватившие её поприще всякие сванидзе, млечины, радзинские и прочие самозванные “геродоты на подряде” морочат многомиллионные толпы слушателей и читателей. Что из того, что это самый настоящий китч, который выдают за историософские откровения. В эту кампанейщину вложены огромные финансовые и медийные ресурсы. Глядишь, многотомные собрания сочинений клеветников, с золотыми обрезами и чуть ли не в сафьяновых переплётках, уже заполнили книжные прилавки. Будто и в самом деле есть какой-то потребительский спрос на такую макулатуру. Но как бы то ни было, психической атаке подвергнут весь социум. Его силком загоняют в исторические потёмки. Промывка мозгов для миллионов, увы, действительна, потому что делом заняты профессионалы, применяющие изощрённые методики изменения сознания, вторгающиеся в самые глубины бессознательного.

Сказать, что антисталинская истерия исключительно порождение “новорусской” буржуазной власти, было бы несправедливо. Этой идеологической сивухой наш народце спаивают с незапамятного 1953 года. И здесь моральная вина всех нас, послевоенного поколения. Почему рядовые члены партии безмолвствовали, когда Хрущёв и его приспешники начали многолетнюю разнузданную кампанию лжи, огульной критики Иосифа Сталина? Мало того, что ближний круг соратников малодушно отрёкся. Хрущёв учинил потраву на всём идеологическом поле. Ведь неспроста Пальмиро Тольятти и многие другие авторитетные деятели мирового коммунистического движения предостерегали руководство КПСС, что не по культу личности они наносят, наотмашь, разящий удар, а в самое сердце социалистического идеала. Ведь СССР в глазах всего мира был оплотом надежды, прообразом лучшего, справедливого и гармоничного общества.

Первый краеугольный камень из тех, на чём стояла Страна Советов, выломал “дорогой наш Никита Сергеевич” – “иконоборец”. Эту заслугу у него не отнять. Его представление о значении государственной идеологии и неприкосновенности сакральных её сторон пронизано было невежеством.

Подлог и жульничество

“... Партия... Что партия? Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков”, – как-то в сердцах высказался Сталин. И как на грех, именно эти псаломщики и аллилуйщики на XX съезде в обморочном молчании слушали пресловутый “тайный” доклад Никиты Сергеевича, разоблачавший “культ личности” и “злодейства” вождя. Почему же эти люди, заслуженные и много повидавшие на своём веку, не боявшиеся никакого лиха – так раболепно склонились и согласились с новой линией ЦК, перечёркивающей всё то, что должно быть нетленно? Для меня это долго оставалось неразрешимой непостижимой загадкой. Годы идут, десятилетия минуют, а это циклопическое кривое зеркало фальсификации всего, что связано с эпохой и личностью Иосифа Сталина, как в сказании о злом волшебнике Тролле, по сей день ослепляет духовное зрение моих соотечественников! Хотя святых выносы, когда на своего антисоветского конька взбираются всякого рода сванидзе. И вот так конфуз, завзятые лгуны и авторы “исторических” пасквилей восседают рядом с маститыми академиками в созданной президентом комиссии по борьбе с “вредными” фальсификациями советской истории. Как если бы мир был крыт соломой, и мировая историография не накопила никаких достоверных свидетельств и глубоких исследований доподлинной, а не мифологической картины века XX-го. Всех его тайн, драм и трагедий. Вот на заметку компетентное мнение исследователя, историка профессора Монклерского университета Гербера Ферра, оспаривающего расхожие стереотипы о сталинской “тирании”. Никакой он не сталинист, а представитель целого направления в американской историографии в Советском Союзе (не путать с советологами), которые не жалуют расхожие антисоветские мифы. Добросовестные историки за океаном основываются на скрупулёзном исследовании первоисточников, документов сталинской эпохи. Многие до поры до времени таилось за семью печатями в архивах. В Гуверовском институте США

тоже собран громадный архив по СССР. Доступ к нему открыт далеко не каждому любопытствующему...

Гербер Ферр сознаётся, что ещё в начале 60-х годов “ухватился” за первое издание “Большого террора” Роберта Конквеста и “был потрясён прочитанным”. Человек пылкий и независимый, Ферр, однако, сверил подлинность многих утверждений в концепции Конквеста с первоисточниками и архивами 20–30-х годов. И его потрясла открывшаяся картина откровенного “жульничества” фактографии нашумевшего опуса Конквеста, с большой помпой изданного у нас в 90-е. Выводы Конквеста о природе репрессий 20–30-х годов разительно расходились с действительным содержанием источников, на которые он ссылался. Волей-неволей срывание сургучных печатей с архивов ЦК КПСС, в раже разоблачительства “преступлений сталинизма”, вышло боком всем этим вологоновым и прочим идеологическим перебежчикам. Зёрна стали отсеиваться от плевел. Гербер Ферр предпринял собственное исследование наиболее драматических и “проклятых” страниц сталинской эпохи. “Ни один серьёзный исследователь не вправе принимать или не принимать что-то за истину в силу своих убеждений и предпочтений”, – пишет Ферр в комментариях к своему исследованию, которое озаглавлено в русском переводе “Антисталинская подлость”. Основной вывод учёного: рассматривать историю Советского Союза за через кривое зеркало “эпохального” доклада Хрущёва больше уже “невозможно”. Он говорит: я, дескать, не защищал ни Сталина, ни кого бы то ни было. Как учёный-исследователь имею дело только с фактами и доказательствами. И вот его главный, недвусмысленный вывод: “Мне удалось выделить 61 обличительное утверждение. Каждое из них исследовано в свете исторических свидетельств. И как стало понятно в итоге, в “закрытом” докладе Хрущёв не сказал про Сталина и Берию ничего, что оказалось бы правдой”. Речь Хрущёва на знаменитом пленуме ЦК, заключает Ферр, “соткана из лжи”. Тем поразительнее, что в тогдашней верхушке КПСС, увы, не нашлось никого, кто открыто восстал бы против огульности скоропалительных “разоблачений” Сталина.

И вот что Ферр утверждает: “Главной мишенью закрытого доклада Никиты Сергеевича был не сам Сталин, а политический курс и определённые тенденции, которые связывали с именем последнего”... Что это за “тенденции”? Так называемые “дети XX съезда”, ныне заядлые антикоммунисты, до сих пор разносят по свету благостную легенду, что Никита Сергеевич был потаённым, но прирождённым демократом и потому дал народу волю. А Сталин, напротив, отъявленный партократ и тиран, который на дух не переносил демократию. Г. Ферр утверждает прямо обратное, основываясь на документах и источниках: “Именно Сталин стоял во главе борьбы за демократизацию советского общества, которая оказалась в самой сердцевине политических процессов, происходивших в СССР в 30–50-е годы”! И Сталин, дескать, неуклонно вёл дело к тому, чтобы власть из партийного аппарата перетекала в структуры Советской власти на основе выборных процедур. Он, как это Ферр проследил по источникам, вопреки настроениям и противлению российского партийного аппарата, вёл дело к тому, что в конце 30-х была принята Конституция СССР, а потом в 52-м году на XIX съезде возобновил линию на построение такой структуры Советской власти, когда её источником и субъектом становился народ, а не анахроничный “орден меченосцев” – партноменклатура. К слову сказать, пост Первого секретаря ЦК КПСС, упразднённый при Сталине, был восстановлен тотчас после его ухода, к вящему довольству партноменклатуры.

Никита Хрущёв, выразивший интересы и вождения партократии, покончил со сталинской “ересью”, покушавшейся на самовластие номенклатуры. И в этом, по мнению Ферра, и таится скрытый подтекст “тайного” доклада и вся разгадка, почему партократия так повадливо подчинилась новой “линии” на развенчание Сталина. Иначе бы Хрущёв и не посмел бы выскочить со своим кощунственным докладом, ранившим души миллионов советских граждан, не подозревавших об интригах на самом верху. Он-то, Никита, знал, как склонить на свою сторону партийную верхушку, и цинично добился своего, и всё, что происходило в партии и стране после злосчастного, мнимо “закрытого” доклада обернулось отходом от сталинизма как творческой государственной доктрины, которая несомненно имела будущность и освещена была провидением вождя.

... Интеллектуал идеалистического толка Милован Джилас, бывший герой и сподвижник Тито, в своём обличительном памфлете “Новый класс” кое в чём вторит Троцкому. Его идеологеме 30-х годов о “сталинском термидоре”. И всё-

таки он, Джилас, чутко предугадал грядущее перерождение номенклатуры Союза коммунистов Югославии, через ряд превращений, в правобуржуазную и компрадорскую “элиту”. В одном, решающем пункте он, пожалуй, был не прав: как и в СССР, так и в Федеративной социалистической Югославии партийная номенклатура не была классом. По той простой и неустранимой причине, что основные средства производства находились в общественной собственности. И только после ухода Тито произошёл затяжной политический переворот и захват общественной собственности — через гражданскую войну, развязанную извне и изнутри, этнические распри и разрыв на куски страны. А уж теперь, при “демократах” во власти в Белграде и “воссоединении с Западом”, который держит их в чёрном теле, хищные вождения “нового класса”, наконец, насытились.

По сути, и советский, и югославский социализм разрушены были и разбазарены по “одной матрице”. И неспособность новых олигархических режимов к развитию экономики и общества, выпадение посткоммунистических стран из мирового мейнстрима — плата за свершившиеся насилия отступников и организаторов антикоммунистического переворота. Воистину насилие над Историей никогда не остаётся безнаказанным.

“Троцкий — актёр революции”

Ленинское первое впечатление о Кобе — “замечательный грузин” и язвительное Троцкого — “гениальная посредственность” не были особенно уж проницательны. И, скажу больше — они опрометчивы. Сталин вовсе не был тем, за кого его долго принимали. И в то же время подлинность его как революционера, твёрдость и полнота убеждений коммуниста, мастерство реформатора и созидательный творческий дух — несомненны и несравненны. И для того, чтобы принять такую точку зрения, вовсе ни к чему молитвенно относиться к Сталину. А нужно взять на себя труд познать дело его жизни, как некую целостность перед судом Истории. Политическая философия Сталина не только выражение его личных качеств и взглядов, но, прежде всего, отражение эпохи, в которой он творил. Это не попытка оправдать Сталина, а верный посыл понять мотивы его поступков. Именно при Сталине Советская Россия возродилась после лихолетья революции и гражданской войны и стала великой мировой державой.

Ещё Гегель утверждал о качественно индивидуальном состоянии каждой исторической эпохи. И что оценивать её возможно лишь, не погрешив против объективности и учтя все обстоятельства.

Так что ни к чему подвергать хуле или славословию его, Сталина, поступки и “злодеяния”, озарения и просчёты, которые ему зачли как преступление. Куций, обывательский, вне историзма, аршин здесь не годен и не справедлив.

Разительный пример тому — Обращение президента РФ к согражданам в недавний День памяти жертв политических репрессий. В нём высказано невероятное: оказывается, сталинский режим “уничтожал собственный народ”. Всегда прежде иное — “врагов народа”, безвинных на слуху было. И “халдеи” масс-медиа тотчас подхватили новый толк, приговаривая: а злодей Гитлер-то свой, немецкий народ щадил! Это, на мой взгляд, безответственная подмена смыслов и означает обвинение советского государства в геноциде. И обвинение от лица новой российской власти — правопреемницы СССР. А по сути, беспамятное потакание известной провокационной резолюции ПАСЕ о сталинизме! И пожива, разумеется, для всех этих качинских. Какой же головой думали кремлёвские спичрайтеры? Не про них ли русская пословица: ради красного словца... Поражают и такие перлы: “Уничтожались целые *слои* и сословия нашего народа. Было практически ликвидировано казачество”. А откуда тогда взялись, из небытия что ли, в Красной Армии казацки кавалерийские корпуса, донские и кубанские, храбро сражавшиеся на фронтах Отечественной? Заклеймив “злодеем” Верховного Главнокомандующего, сочинители ратуют “бороться с пересмотром итогов Отечественной войны”. Не Отечественной, господа, а Второй мировой, поправит резвых кремлёвских спичрайтеров любой мало-мальски грамотный. Фальсификаторы на Западе подкапываются под законность основ Ялтинского миропорядка, а до нашей Отечественной им дела нет.

... Чтобы всё взвесить на весах справедливости, давайте на мгновение перенесёмся в то лихое время. Представим себе отчаянное положение страны и

большевистской власти в 20-е годы. Белая эмиграция предвкушала крах “Совдепии” и злорадствовала. “В моей (не напечатанной) схеме Россия стоит на распутье”, – с проблеском надежды писал белый эмигрант Георгий Федотов. “Революция загнивает” – чудилось ему. “Или она найдёт вождя, который смелой рукой ликвидирует коммунистическое иго, или Россия идёт навстречу новым катастрофам”. Так, словно на духу, исповедовался в своих заветных мыслях изгнанник-философ, чутко следивший за вестями из “Совдепии”. И далее восклицает: “Мог ли я предвидеть, что страна будет поставлена перед катастрофой сознательной волей полубезумного вождя революции?”

Так кто же в то лихолетье на самом деле спятил – вождь большевиков или мыслители белой эмиграции – последние старого строя, выброшенные на берег чужбины? “...Что происходит в России, едва ли поддаётся разумному объяснению”, – сознавался наедине с собой недруг большевиков Георгий Федотов. “...Узок круг исторического сознания”. Но разве, призадумавшись, для Сталина горизонт был ясен? Ведь ему, стоявшему во главе дела, никем не было завещано, как строить реальный социализм в разорённой и расколотой стране, да ещё на века отставшей от западного мира. Спасительная идея нэпа, передышка, на которой настоял вопреки отчаянному сопротивлению “леваков” Ленин, уже себя исчерпала. Мелкобуржуазная стихия захлестывала партию, и попятное движение уже зловеще намечилось. ВКП(б) раздирали разногласия.

Как же воплотить коммунистическую утопию? И никто не мог поручиться, что сталинский план окажется состоятельным. Бремя последней ответственности оставалось на нём, Сталине. Федотов же углядел из своего далека: “По-видимому, Сталин и Троцкий оказались единственными из стаи Ленина, которые не пожелали “гнить”.

Иронична характеристика философа с “того берега”, блистательного соперника Сталина, к которому так снисходительны теперешние заядлые ненавистники “Совдепии” из числа “новых русских”: “Троцкий, актёр революции... живёт ради своего монумента в социалистической Европе. Он хочет войти в историю, как вождь второй погибшей коммуны. Сталин слишком ограничен, чтобы видеть... неминуемость гибели”. Насколько метко и справедливо философ углядел сущность Троцкого, для которого судьбы России ни что в сравнении с задуманным “пожаром мировой революции”, настолько оказался слеп и опрометчив в оценке политических задатков и масштаба личности Сталина. “Секрет, разоблачённый Беседовским (перебежчик, осевший на Западе. – Авт.), объясняет всё: Сталин – единственный человек, который верит в мировую революцию...” Так ему мнилось тогда! Ошибка, заблуждение... А вот другой “философ” с чужбины, в подмётки не годящийся Федотову, перебежчик Резун-Суворов, уже в наши дни плетёт небылицы о Сталине, алкающем троцкистской “мировой революции”. Пасквиль Резуна “Ледокол” – настоящий бестселлер, которым зачитывается наша образованщина. Новое его издание красуется на московских прилавках. В самый раз подгадал, шельма, дорога ложка к обеду. Вклад издателя Резуна в борьбу Кремля с фальсификаторами отечественной истории? Лжец Резун открыл миру тайну за семью печатями: это не Гитлер агрессор, развязавший мировую войну и вторгшийся своими полчищами в пределы СССР, а, оказывается, Сталин во имя химерической мировой революции готовился двинуть дивизии на Западе. А германский вермахт его взял да упредил! Резуновский опус – товар для экспорта в Россию. И мы, бывшие его соотечественники, должны быть ещё, оказывается, благодарны перебежчику и врало, что раскрыл нам глаза на истину. И этот сукин сын сподобился разоблачить подноготную, которую долгие десятилетия якобы скрывали от нас не только подневольные советские историки, но и их коллеги на Западе. В пришлопомнятном перестроечном фильме “Покаяние”, который до сих пор почитается как культовый всеми этими “детьми Арбата”, некий персонаж маргинал-соглядатай злится: “Хотели скрыть от нас, что мы от обезьяны произошли?!” Не пора ли всем им, “ельциноидам”, выправить, наконец, бумагу об их настоящем происхождении?

Микула Селянинович на тракторе

Георгий Федотов в очерке “Проблемы будущей России” утверждал: “Сейчас в России происходит не завершение Октябрьской революции, а новая ре-

волюция, которая хочет ликвидировать последствия Октября... Сталин понял, что крестьянство медленно разлагает, рассасывает, обессиливает партию, что это единственная сила национальной России, перед которой остановился коммунизм. Не важно, каким путём он пришёл к этой бесспорной истине...". Спротивление деревни индустриальной политике, растущие трудности выколачивания хлеба у крестьян, дескать, шаг за шагом подвели его к новой грандиозной задаче... Далее Федотов прямо-таки вторит сегодняшним нашим оглашенным "либералам", проклинающим вождя-мужикоборца и разрушителя благостной кулацкой идиллии. Дескать, Сталин замыслил "уничтожить" 100 миллионов русского крестьянства, превратив их неминуемо в новый земельный пролетариат "хлебных фабрик". А то, что без чрезвычайной индустриализации Россия заведомо была обречена на гибель, как сметена и уничтожена была панская Речь Посполитая, оставшаяся при конной тяге, кавалерии и мелкотоварном хозяйстве, он словно и не мог взять в толк.

И всё-таки философ обиняками, но признавал историческую необходимость сталинского Великого перелома, в частности – "полной рационализации сельского хозяйства": "Приходится смиренно сознаться, что Микула Селянинович никогда не умел хозяйствовать, а русское земледелие было непроизводительной растратой человеческой рабочей силы". Выходит, классовая ненависть не напрочь застила глаза русскому изгнаннику. На его взгляд, большевистская революция действительно высвободила наконец-то хозяйственные силы народа. Отчего все эти теперешние плакальщики "по России, которую мы потеряли" и которая якобы кормила хлебушком и вологодским маслом пол-Европы, как чёрт ладана, чураются философского наследия Георгия Федотова? ("Судьба и грехи России", 2005 г. Изд-во "Дарь".) Лыко – не в строку антисталинистам. Федотов и кланёт Сталина, но и невольно заворожён величием его дела: "Как вожак революции, Сталин возглавил дьявольскую энергию фантастического и фанатического меньшинства, овладевшего силами великого народа". По его мысли, революция Сталина есть классическая форма русской революции сверху, имеющая сходство с деяниями Петра и Грозного. Невольное признание, сквозь зубы: "Россия поставлена историей перед необходимостью критического напряжения своих производительных сил".

Идеолог белой эмиграции, Федотов язвительно отзывается о сталинских пятилетках, будто бы они были "карикатурным" продолжением дела Витте. И, дескать, если уж вести речь о реальной политике, то "лучше говорить о "пятидесятилетке". Лишь при таких границах времени сталинская индустриализация перестаёт быть "химерой". Почему Федотов при всём его недюжинном уме и острой пронизательности крепко просчитался? Он и сам даёт на это намёк, когда невольно обмолвился: "Никогда ещё столь дерзкая мысль не воплощалась в волю государственного деятеля". Как бы то ни было, мятущемуся философу не хватило духу проникнуться ледяным смыслом сталинского "... или нас сомнут!". Он, конечно, не сильно бы горевал по большевистскому режиму, но саднящая тревога о судьбе России его не оставляла... Ведь в глубине души он понимал, даже наверное понимал, что никаких 50 лет для модернизации истории нам тогда не отмерила. Счёт шёл на годы и месяцы...

Советская Вандея

Так всё-таки коллективизация была сталинской злокозненной прихотью или неизбежной фазой классовой борьбы? В тот самый исторический момент, когда власть Советов оказалась уязвима под натиском извне и изнутри. Быть или не быть социалистическому государству – вот что стояло на кону! И оттого, удастся ли разрушить экономическую основу сельской буржуазии – кулачества – этой советской Вандеи, зависело будущее социализма и самой исторической России. Даже как-то неловко иной раз вопрошать интеллектуалов-антисталинистов: одолел бы Советский Союз фашистскую Германию без мощной индустрии? Никакими стенаниями об ограблении русского крестьянства не сбросить со счёта всей опасности положения: "смычка" города и деревни в конце 20-х годов разорвана была кулаком.

Почему шолоховский Тит Бородин, который в гражданскую воевал за красных, ещё задолго до того, как у него на базу объявился Макар Нагульнов с наганом, разминулся с Советской властью? Дело-то было не в Марксе-Ленине, а

в кровном интересе бородиных-хозяев. Ведь городу не на что было выкупить у кулака товарный хлеб. Слабая промышленность не могла предложить деревне встречного товара. А зерно было незаменимым экспортным ресурсом, чтобы выручить валюту для чрезвычайной индустриализации. А откуда И. Сталину было взять внутренние накопления, чтобы построить Магнитку и Сталинградский тракторный? Броня и танки!.. У кого одалживаться – у Ротшильдов, Морганов, эмира Бухарского?..

Оплакивающим горькую участь кулачества неплохо было бы знать, что представляла собой на самом деле российская деревня в условиях позднего нэпа в 1927 году. 2 700 000 человек, или 7% всех крестьян, снова остались без земли. Ежегодно количество безземельных возрастало на 250 тысяч. И эти люди не были нужны селу. Но не были они ко двору и в городе – работы на восстановленных после гражданской войны заводах и фабриках не хватало даже городским жителям. Назревали голодные бунты. Более того, 27 млн крестьян не имели в хозяйстве ни лошади, ни телеги. А что же на “зажиточной” якобы Украине в конце двадцатых? Сегодня жовтоблакитные, доведшие до белого каления что хохлов, что русских – невольников Незалежной своими самостийными безумствами, пытаются гнев людской отвлечь на голодомор 30-х годов. Будто бы нарочно организованный москалями, Сталиным. Так вот, по статистике, в украинской изобильной житнице 2,1 млн сельских семей вообще не имели домашнего скота. К бедняцким хозяйствам относилось 35% всего сельского населения. А в середнячках числилось 51–53%, но и они, “крепкие хозяева”, не могли работать продуктивно, так как преобладал ручной труд. 60% семейных хозяйств вообще не использовали какие-либо механизмы. В таком же, по существу, бестоварном укладе прозябали станичники на Северном Кавказе, в положении бедняков находились там 71% семей, а на Нижней Волге – 87,5%, в Центральном чернозёмном районе – 92,5%. А ведь эти регионы основные производители зерна. По итогам переписи, только 3,2% семей имели в среднем по 2,3 тяговых животных и по 2,5 коровы. Вот какую пейзажную идиллию, с тюрей и жмыхом на скатерти, растоптал “мужикоборец” Сталин.

Кулак – владыка Пошехонья

Вся экономическая мощь находилась в руках 5–7% крестьян-кулаков. Они же владели и основной массой товарного зерна, продавать которое по твёрдым ценам государству наотрез отказывались. Ни о каком мирном “врастании” кулака в социализм, о чём воображал фантазер Бухарин, в действительности не могло быть и речи.

Так, спрашивается, на чью сторону должно было стать социалистическое государство? В чьих кровных интересах Советская власть создавала колхозы и совхозы? Да если бы крестьяне не видели в политике коллективизации никакого проку для себя, то без их массовой поддержки она наверняка бы провалилась. Как и бестоварная экономика по раннему Бухарину – теоретику военного коммунизма. К концу двадцатых годов кулачество уже довлело над крестьянским миром, а политическое влияние ВКП(б) слабело и, по сути, утрачивалось.

Большевики столкнулись с классическим аграрным перенаселением. Через это экономическое несчастье прошли все страны на пути к индустриализации. 1 января 1930 года сельское население СССР составляло 120 млн человек, а членов ВКП(б) среди них – 339 000. На 360 человек один коммунист! Малочисленные партячейки имелись только в одной трети деревень, разбросанных друг от друга на десятки, а то и сотни, как в Сибири, вёрст. Заметим, никакой телефонной и даже сносной почтовой связи в те былинные времена не было и в помине. И добавьте к этому бездорожье... Являлась ли политика советского государства по отношению к кулакам репрессивной? Несомненно. Пострадало и много середняков по безграмотности комбедовцев, а порой от злого умысла проводивших коллективизацию уполномоченных. Об услужливых подлецах-перегибщиках, которых хватает при любой власти, осталась недобрая память. Но суровая правда о коллективизации восстаёт против кривотолков и сознательной лжи “либеральной” образованщины, её кликуш и адептов. Раскулаченных и высланных в Сибирь не десятки миллионов, а ровно 1 317 022 человека. Как сложились их судьбы? По-разному. Много было горя в те годы на земле русской. Я хорошо, в отличие от “городских” историков, знаю это по своим ро-

дичам, прошедшим через рассказывание и нахлебавшихся “слезы, как сырца” в начале 30-х. С колокольни внеисторического абстрактного гуманизма подобную жестокость цивилизованное государство, конечно же, не имеет права себе позволять. Пусть так, только прошу записных антисталинистов назвать хотя бы одну “цивилизованную” страну, где первоначальное накопление капитала и индустриализация прошли бы без моря крови, угнетения и насилия... И жесточайшей эксплуатации народов в колониях, в том числе в самой метрополии, как, к примеру, Англия грабила, до голода довела несчастную Ирландию. По данным ЮНЕСКО, потери Африки за несколько веков составили более сотни миллионов убитых и проданных в рабство. Отнятию земель сопутствовало уничтожение 6 млн американских индейцев богобоязненными выходцами из старой доброй Европы. А грабёж Англией Индии, а Францией – Индокитаем? Расцвету капиталистической Европы предшествовал учинённый ею Апокалипсис в колониях. Об этом что-то не заикаются сладкоголосые певцы буржуазного гуманизма.

“Вы рябь, а страна – стремнина”

“...Россия настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской империи были римлянами, – воскликнул, усомнившись, Ортега-и-Гассет в эссе “Восстание масс”. – Я ожидаю появления книги, которая переведёт сталинский марксизм на язык русской истории”. Гассету, возможно, одному из первых социальных мыслителей удалось проникательно догадаться о подводных течениях и метаморфозах большевистского режима в тридцатые годы. Коминтерн был ещё *мейнстримом* в советской России, а участие СССР на стороне республиканцев в гражданской войне в Испании являлось для внешнего мира неоспоримым свидетельством, что ВКП(б) не свернула знамена мировой победы пролетариата над капиталом. “Ведь то, что составляет его (сталинского марксизма. – **Авт.**) силу, коренится не в коммунизме, а в русской истории, – обосновывал свою догадку Гассет. – Кто знает, что из этого выйдет!”

Гассет предвидел, что в ближайшие годы Европа, переживающая закат, будет “очарована большевизмом”. Взять, дескать, хотя бы пятилетки, которые с “геркулесовым усилием” проводит правительство СССР. И если судьба не допустит крушения этого опыта, если она хоть немного даст ему свободы действия, большевизм неизбежно поднимется над Европой, как “новое сияющее светило”. Однако вместо этого над Европой опустился коричневый мрак фашизма. Бронепоезд Коминтерна Москва отвела на запасный путь, готовясь к схватке не на жизнь, а на смерть с германским фашизмом. А “старая Европа” сдалась на милость профашистских режимов – от Иберийского полуострова до Румынии.

Сталинский марксизм, великорусская сердцевина которого верно была распознана Гассетом, поступился интернационалистскими идеологическими догмами в яркой защите самого существования России – СССР. Ведь “план Барбаросса” ставил целью именно уничтожение исторической России, а не только искоренение “жидовского коммунизма”. Пакт Молотова–Риббентропа, тем не менее, “разочаровал” многих левых на Западе, не только троцкистов. И это неприятие, “идейное” отвержение сталинизма как переродившейся великорусской имперской идеологии в марксистском обличье, широко было распространено в Европе в среде интеллектуалов и поборников чистоты Марксова учения. Здесь левые ортодоксы и антисоветчики пересеклись. И опять в самом средоточии толков и обличий оказалась фигура Сталина, своего рода загадочный восточный “сфинкс”. То, что Сталин во внешней политике идёт не от Маркса, а Макиавелли, слишком было очевидно.

Иногда приходится слышать мнение, что Иосифом Виссарионовичем ещё с двадцатых годов, когда должность генсека давала ему лишь ограниченную власть, уже был задуман некий план не просто овладения диктаторской властью, но тщательно взвешены и метаморфозы нового социального строя. От интернационалистской первоначальной, в крайнем своём проявлении троцкистской “перманентной революции” – к “почвенной” имперской парадигме. И в этом смысле Маркс был от него дальше, чем традиция Рюриковичей.

Думаю, это домыслы, упрощения и аллюзии... “У Бисмарка, когда он ковал германскую империю, – подмечал ещё Пётр Струве, – вовсе не было

готового, до подробностей, выработанного плана. Творец событий, он в то же время был ими влеко́м”. Так и Сталин... Для него, трезвого политика и прагматика в жёстких обстоятельствах времени, когда Советская Россия была слаба против превосходящих сил геополитических противников, Коминтерн являлся лишь орудием обороняющейся стороны.

К слову, Пётр Струве вывел формулу, которая, на мой взгляд, имеет прямое отношение, а то и совпадает со сталинской мерой вещей: *“Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество”*. Вот, видимо, причина, почему сталинская государственность неизбежно должна была безжалостно покончить с троцкистской ересью, которая бестрепетно поставила на карту химерической “мировой революции” судьбу и самое бытие тысячелетней России.

“...Вы рыба, а нация – стремнина”, – так Джонатан Свифт, автор политических памфлетов, осаживал честолюбцев-вельмож и предводителей политических ватаг, призывая их знать своё настоящее место в потоке событий, от которых зависит судьба и благо подданных.

“Государство – есть личность соборная и стоит выше всякой личной воли”. В этом исповедании дореволюционный национал-либерал Струве и “постбольшевик” Сталин, пожалуй что, и сошлись бы.

Почему дух Истории покровительствовал простолюдину?

Век XX явил целую плеяду политиков-титанов: Ленин, Рузвельт, Черчилль, де Голль, Ганди, Мао... Но и среди них особняком стоит один, к которому сходятся все судьбоносные концы и начала XX века. Ведь никому, кроме И. В. Сталина, промыслом Истории не было “попущено”, к отчаянию его врагов и ненавистников на протяжении 30-летия, стать зодчим Нового мира. Ему и по сей день это не могут простить. У хулителей Сталина особое раздражение вызывает известное высказывание о нём Уинстона Черчилля. Старый лис неспроста разразился красноречивым панегириком “дядюшке Джо” не когда-нибудь, а в самый разгар низкой хрущёвской затеи “разоблачения культа личности”. Сэр Уинстон публично снял шляпу перед величием своего заклятого врага, которого эти, на его взгляд, политические пигмеи в Москве не способны были оценить.

Черчилль – белая кость, прямой потомок герцогов Мальборо, а Джугашвили-Сталин – из самых низов. Но есть что-то от предопределения, без всякой там мистики, что будущей “повелитель царств” и триумфатор коммунизма появился на свет в хижине бедного горца. Удел таких – безвестность! Между тем Сталин, и это можно угадать в подтексте его юношеских романтических стихотворений, вошедших, к слову, в грузинскую хрестоматию ещё до революции, как бы догадывался о своём высоком предназначении. Даже в его псевдониме Сталин, вероятно, зашифрован тот смысл, что он человек небес, звёздный избранник. А тот, кто был его полнейшим антиподом – Лев Бронштейн (Троцкий), – он-то из каких? Отец его был крупным землевладельцем на юге России, не говоря уже о родственничках в США, банкирах, с которыми он никогда не переставал якшаться. А вожди белого движения, нечего и говорить, вышли из родовитых семей русской знати, принадлежали к сливкам общества. Почему же все они, вкупе, оказались на голову ниже сына сапожника из Гори?

Будущий генералиссимус с малых лет изведал, почём фунт лиха. Отсюда и его хорошее знание жизни, полной страданий, простых людей, упорство, способность держать удары судьбы и упреждать козни соратников, стремившихся любым путём перехватить власть. Наверное, из одинокого отрочества пытливого и своенравного семинариста, не терпевшего никакой над собой узды, его отвага, непреклонность и целеустремлённость. Он и впрямь мечтал изменить мир, и эта дерзость ему удалась. Во многом потаённый, Сталин никогда не раскрывал своих карт во время долгого восхождения к власти. И так и не был, полагаю, разгадан теми, кто шёл с ним рядом – в подполье, в сибирской ссылке, в боях под Царицыном и в тесном кругу ленинского Политбюро. Дело не только в коварстве и скрытности, которые тоже были чертами его природы, а в масштабе личности и силе ума.

Говорят, что втайне Сталин оставался человеком верующим. Не берусь судить... Но и в вопросах религии, отношения к православию он оставался белой вороной в кругу отъявленных атеистов, никогда не державших в руках Священного писания. Не потому Сталин возродил патриаршество на Руси, вернул церкви храмы, что, как твердят глупцы, уже не полагался на силы одних только своих дивизий, когда фронт трещал и враг стоял у врат Москвы. Холодным своим разумом прозревал, что даже великие идеологии стареют, ветшают и уходят, а нравственный, духовный стержень народа, принявшего православие почти за тысячу лет до Октябрьской революции, сильнее и нетленнее, чем все марксизмы. Есть и косвенное свидетельство, что он задумывался о возрождении в будущем православного самосознания русского народа. Само собой, вождь вовсе не мыслил передоверить паству от секретарей райкомов церковным приходом, но, должно быть, осознавал тщетность государственного атеизма как источника духовной силы общества. Ему ли было не ведать, что православие, евангельские представления о долге и благодати в крови у великороссов?.. А дорогой Никита Сергеевич сдуру громил церкви с неистовством троцкиста, и это ему вовсе не поставлено в строку его сегодняшними лицемерными обожателями.

“Тот, кто “свёл с ума профессоров истории”

“... Я назвал бы гениальным того политического деятеля, который первыми же своими реформами свёл бы с ума профессоров истории, показав им на деле, как все “законы” их науки теряют силу, рассыпаются вдребезги и обрастают в прах”, — полемически утверждал Ортега-и-Гассет. Личность такого размаха История и впрямь явила на переломе времён, имя его — Иосиф Сталин. Гассет же в своём знаменитом “Восстании масс” заронил мысли, которые нами должны быть востребованы для осознания сущности сталинизма. Приверженец демократических идеалов и, в высоком смысле, либеральных ценностей, он говорил: “Вопрос не в том, чтобы быть или не быть коммунистом или большевиком, я не обсуждаю веры, я просто не понимаю, считаю анахронизмом, что коммунист 1917 года производит революцию, тождественную тем, какие уже бывали. Ни в малой мере не улучшая их, не исправляя ошибок”. Поэтому, с недоверием подмечал философ, всё происходящее в России не представляет исторического интереса. Это, дескать, вовсе не судьбоносный переход к новой жизни. А, напротив, прискорбное повторение прошлого, некий революционный шаблон, и до такой, мол, степени, что нет ни одного расхожего толка о революциях, который бы в красной России не нашёл своего печального подтверждения: “Революция пожирает собственных детей. Революцию начинают умеренные, продолжают крайние, завершает “реставрация” и т. д.”. У Гассета сквозит предубеждение, сомнение в большевизме и его вожде.

Между тем многие западные интеллектуалы того грозного времени, и вовсе даже не сталинисты в их числе, признавали за Сталиным, что дело его имеет мировое значение. И что в СССР восходит заря нового, справедливого мира. И не потому ли молодые интеллектуалы привилегированных Кембриджа и Оксфорда тайком вступали в компартию и шли на сотрудничество с заграничными резидентами ГРУ и НКВД? Эти люди вовсе не были той мелкой сошкой, которая предаёт интересы своих отечеств за сребреники.

И большевизм, и фашизм, на взгляд Гассета, — ложные зори, которые предвещают не новый день, а возврат к архаическому, давно пережитому. И потому, дескать, эти движения так привлекают и завораживают “человека массы”. Аристократ духа, Гассет здесь непреклонен, но честен перед истиной, говоря, что большевизм и фашизм — движения с “обратным знаком”. Никакого, дескать, тождества между ними нет, потому что по отношению к гуманистическому началу они противостоят друг другу. Нам, современникам, заставшим зрелую форму сталинизма, это совершенно понятно, и лишь господа из ПАСЕ ныне прикидываются незрячими.

Да, Гассет в то сложное, переломное, грозное время не угадал действительный масштаб сталинизма. Правда, он оговаривается, что не углубляется в исследование внутренней природы фашизма и коммунизма, а лишь бьётся над вечной дилеммой революции и эволюции. Его главное упование в том, чтобы

реальная альтернатива “закату Европы”, по Шопенгауэру, оказалась не “анахронична”, не обернулось бы возвращением в варварство. То, что большевизм действительно восходящая сила, он вскоре доказал на родине Гассета, где в открытом сражении сошлись на фронтах гражданской войны две враждебные идеологии – человеконенавистнический нацизм и воинствующий коммунистический гуманизм.

Другой известный западный интеллектуал Анри Мальро, сражавшийся в Испании на стороне республиканцев, с горечью потом заметил, что лишь СССР, оружием и добровольцами, вступился за Республику. А фашистские режимы Гитлера и Муссолини воевали на стороне мятежного диктатора Франко. На них вина за трагедию разрушенной в прах Герники, предвосхитившей злощастную судьбу Варшавы и Киева. И только демократические правительства Европы, говорил Мальро, с их лицемерным невмешательством умыли руки. Уже тогда весь мир, в предчувствии мировой войны, увидел, что на фронтах Испании столкнулись не на жизнь, а на смерть две непримиримые силы – коммунизм и нацизм. И что грядёт в подлинном смысле схватка цивилизации с варварством. Как раз эту противоположность света и тьмы тщатся оболгать лжецы и политические идиоты из ПАСЕ со своей полоумной и постыдной “резолюцией”, ставящей на одну доску СССР и Третий рейх. Как будто бы не советский солдат – освободитель Европы вбил осиновый кол в берлинском логове фашизма.

История Второй мировой сейчас замазывается, переписывается, выворачивается наизнанку. Нам якобы хотят сообщить её тайный смысл, перечеркнув приговоры Нюрнбергского трибунала и всю академическую историографию о войне, что западную, что советскую. Но коли так, не худо бы освежить в памяти некоторые бесспорные и порочащие демократии Старого Света факты, которые идеологи ЦК КПСС уж слишком дипломатично замалчивали. Речь о том, если начистоту, что на стороне нацистской Германии на Восточном фронте воевали, помимо профашистских режимов “второго разряда” – венгерского, румынского и финского, ещё и 800 тысяч эльзасцев, лотарингцев, бельгийцев, итальянцев и прочих гитлеровских ладскнехтов и волонтеров войск СС. Каратели, душегубы из ОУН, литовские, латышские, эстонские легионеры, числом в сотни тысяч, из того же нечестивого воинства. Господа из ПАСЕ – вольные или невольные их всех душеприказчики. В европейской ассамблее отыщутся, не удивлюсь, и последыши коллаборационистских режимов Виши и хорватских усташей. Между строк скандальной резолюции ПАСЕ – отпущение грехов всему этому отребью, коли они не щадили живота своего в войне с большевизмом. Почему бы клетветникам из ПАСЕ не зачесть в заслугу и рьяный антикоммунизм маршала Петэна, гитлеровского наместника, который якобы “спас” Францию от окончательного порабощения.

“Дети XX съезда” против XX века!

А у нас в России с самого злосчастного августа 1991 года тоже распоясались маратели прошлого страны, святынь Отечественной войны. И это помрачение умов длится на протяжении жизни целого поколения. В руках ельцинистов вся машина масс-медиа. И вот уже целое поколение воспитано в отвращении к советскому прошлому. Пестование Иванов, не помнящих родства! Вот что на поверку за этим “просветительством”. Власть предержажую не страшит, что во взрослую жизнь уже вышла поросль чад “новых русских”, у которых ничего святого за душой. “*Полые люди*”, словами поэта Элиота, а в русском старом приговье – люди с пёсьими головами. Помрачение умов подобно идеологической марихуане, косяки которой юнцы передают из рук в руки.

Пока погашены и чадят лампы духовности, гранитную глыбу сталинизма словно кувалдой крушат денно и ночью прорезжимные масс-медиа. Да с таким неистовством, что она должна обратиться в пыль и крошево, но что-то дело не задаётся. Антисталинисты лишь отбили себе руки в тщете и немощи. Но у этой расправы с прошлым есть толпа сочувствующих. Нашей бесподобной образованщине, которой всучили пустышку либеральных свобод, всё невдомёк, что глупо и постыдно соучаствовать в антикоммунистических радениях, проплаченных такими светочами, как все эти абрамовичи. Образованцы будто и не подозревают, до чего дело нечисто.

Оголтелый мейнстрим самого ветхого антикоммунизма, ставящий на одну доску фашизм и сталинизм, не только надругательство над историей, но и поругание антифашистского единения народов во Второй мировой войне. Что это, как не тяжкий симптом политической шизофрении? Разве не помешательство затвержденные наизусть, словно таблица умножения, небылицы кликуш из “Мемориала” о “40 миллионах жертв сталинизма”, не единожды опровергнутые достоверными архивными изысканиями о периоде репрессий в СССР. Но ельцинисты всё не унимаются, они требуют наложить табу на всё, что связано с делом и именем Сталина, проклясть весь жертвенный путь наших отцов и дедов под красным знаменем.

“... Каково бы ни было содержание большевизма, во всяком случае это гигантский эксперимент”, – признавал Гассет. И Европе, в её жалком состоянии, дескать, трудно будет удержаться от чар “торжествующего коммунизма”. XX век подтвердил предвидение испанского философа. Но, увы, у колеса Истории есть и попятный ход. Не зря многие серьёзные социологи Запада склоняются к мысли, что грянувший летом 2008-го года мировой экономической кризис на самом деле – цивилизационный. В такие глухие времена обычно идёт накат реакции по всему фронту. У нас в России упадок капитализма и либеральной идеологии приобретает особенно гротескные, крайние черты и формы. Однако нашим либералам-западникам, заблудившимся во временах, всё нипочём. Непрошибаемость и узколобость начётчиков солженицинского “Красного колеса” и всех десяти пудов антисоветской беллетристики “вермонтского отшельника” бесподобны. Будто бы их кумир и впрямь пророк. А наш продвинутый в антикоммунизме премьер-министр наказал изучать труды Александра Исаевича за школьной партией. Остаётся только руками развести...

“Господствующее положение, которое духовный плебс занял в общественной жизни, совершенно новый фактор современной жизни, не имеющий подобия в прошлом”, – предостерегал нас Гассет. Неподкупный интеллектуал, подлинный рыцарь духа, философ застал первоначальную стадию пришествия на историческую арену “массового человека”. И он в чём-то даже предвосхитил могущество и тиранию сегодняшних масс-медиа, завладевших душами сотен миллионов зевак-обывателей у экранов телевизоров.

Анатолий Франс как-то зло съязвил, что глупец хуже мерзавца. Мерзавец иногда отдыхает, глупец – никогда... Так вот, мерзавцы и глупцы в российских либеральных масс-медиа в упоении вторят друг другу, воображая, что не осталось ни одной неразоблачённой “скрижали” коммунизма, не вывернутой наизнанку страницы былого величия СССР. Они все стенают, спекулируя на нашем сострадании жертвам репрессий, попрекая тех, кто не доверяет их истерикам, в бесчувственности. И многие простодушные люди смущены, клюют на эту сентиментальную наживку. На самом-то деле антисталинистский сыр-бор всё неистовей разгорается из-за того, что подвиг старших поколений, которые отстаивали социализм в СССР, в смертельной схватке с фашизмом спасли историческую Россию, чтоб утвердить Новый мир без господ и угнетения, – бельмо в глазу ельцинистов.

Так глупцы и лжецы выводят на “чистую воду” титанов.

Нашему давнему автору и другу Владимиру Даниловичу Попову исполняется 60 лет! Возраст мудрости и полноты жизненных сил. Мы убеждены, что Владимир Данилович использует их для служения России и ниспровержения её клеветников.

Многая и благая лета!